

Валерий Шелегов

Валерий Николаевич Шелегов – родился в Канске в 1953 году. В г. Канске окончил восьмилетнюю школу № 6. В 1969 году поступил в Томский геологоразведочный техникум. В 1972 году улетел работать в Магадан. На Крайнем Севере прошла вся жизнь. Чукотка! Посёлки Черский и Мыс Шмидта, город Певек. Работал в геологоразведочных экспедициях геофизиком. В Усть-Нере женился, работал в семидесятых годах в ВИГРЭ геологом на штольне в разведочной партии. В восьмидесятых годах служил охотоведом Оймяконского района. Работал на Индигирке старателем в золотодобывающей артели «Мир». В 1996-м вернулся на родину в Канск. Прозаик, поэт, публицист. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького в Москве. Первый рассказ «Санька – добрая душа» был опубликован в 1984 году в журнале «Дальний Восток» № 4. Автор книг: «Ленские подснежники», «Зелёный иней», «Пока горит костёр Звезды небесной», «На Индигирке», «Оймяконский Меридиан». Книга прозы «Луна в Водолее» отмечена Русской национальной премией «Имперская культура» имени Э. Володина. Член Союза писателей СССР. Живёт и работает в Канске Красноярского края.

КРОСНА

Повесть

1. Из «схронов»

В пятидесятые годы Сибирь стала наполняться ссыльными власовцами на поселение. Из лагерей освобождали побывавших в плену у немцев красноармейцев, согласившихся служить и воевать против Красной армии. Воевали предавшие пленные красноармейцы на стороне Гитлера, в армии предателя – советского генерала Власова. Остатки власовского отребья Красная армия добила в Польше. Власовцы получили большие тюремные сроки и были отправлены в советские лагеря ГУЛАГа. Летом пятьдесят третьего, после смерти Сталина, по амнистии Берии из лагерей выпустили десятки тысяч уголовников, власовцев определяли на поселение в сибирские деревни и сёла. Сельские люди не выказывали неприязни бывшим фашистским прихвостням. Но люди сторонились от общения с «врагами народа». В шестидесятые годы – по хрущёвской амнистии – власовцы уже освобождались от жительства на поселении. Большинство власовцев снялись с мест, где так и не прижились, и семьями разъехались на места, где родились. Осуждённые на Украине за службу Гитлеру бандеровцы сидели в лагерях ГУЛАГа на Колыме. По хрущёвской амнистии в шестидесятых освобождались бандеровцы из колымских лагерей и оставлялись советской властью там же на поселении.

Золотодобыча на Колыме и Индигирке в начале семидесятых мощно пошла в гору. Везли с материка на заработки вербованных. А бригадирами в артелях, добывающих россыпное золото, часто становились бандеровцы из бывших заключённых ГУЛАГа. В 70-х бандеровцам позволила советская власть возвращаться на Украину. И доходили слухи, что земляки их там часто убивали и топили с камнем на шее. Столько убийств соплеменников-украинцев бандеровцами и крови за всю историю Украины ни одно поколение украинцев не проливало, сколько пролили крови бандеровцы на Волыни, вырезав восемьдесят тысяч одних только поляков. Гуманная советская власть не уничтожила под корень это каиново племя, осудила на долгие сроки и отправила в лагеря на Колыму. Адская смесь вражды и ненависти – всех против всех! – на генетическом уровне передалась от бандеровцев их детям. Не все власовцы уехали с родителями из Сибири на родину. Годы шли мирные в СССР. Ужасы Великой Отечественной войны остались в памяти старшего поколения. Рождённые после

войны люди уже не жили воспоминаниями о войне. Послевоенные поколения вырастали, учились, строили города и осваивали космос. Но жила, жила под спудом звериная ненависть и месть за дедов-власовцев и отцов-бандеровцев в детях власовцев и отпрысках бандеровских рогулей. В советское время зверские убийства были редкостью в сибирских краях. Но минул двадцатый век. Иные времена настали. Потомки власовцев и бандеровцев набрали силу, тихой сапой оплели своими звериными удами советскую исполнительную и законодательную власть. Сговорились в Беловежской пуще иуды – предали СССР! Расчленили Родину: на Украину, Белоруссию и Российскую Федерацию. Остальные двенадцать республик и не спросили. И началась «гражданская» война, страшнее которой может быть только ядерная. Человек переродился в зверя.

Деревня Тайна поставлена переселенцами в конце девятнадцатого века на реке Кордон. До революции в семнадцатом, до гражданской войны в двадцатых годах двадцатого века деревня Тайна легла и укрепилась одной улицей по правобережью Кордона. Левые пойменные низкие берега и луга заливались полой водой и для жизни людей не годились. В гражданскую войну деревня Тайна стала центром партизанского движения Восточной Сибири против белогвардейских войск адмирала Колчака. Колчаковцы сожгли непокорную Тайну. Народ отстоял советскую власть. А на месте сгоревшей деревни Тайны советская власть вновь построила жилое поселение уже с новым названием – Кордон. Мудрить не стали при выборе имени для новой деревни, ставили дворы на берегах реки Кордон. И многолюдная, красивая строениями родилась деревня. И жила до войны с фашистами в 1941 году деревня Кордон молодая народом и многолюдная. Сибирские дивизии набирали из таких деревень, где молодцы были сильные до работы. А война – тяжкая работа по защите Отечества. Фашисты стояли под Москвой. Полегли в боях, защищая Москву, сибирские дивизии в снегах под Волоколамском, но не допустили врага к столице СССР. С военного времени затихла деревня Кордон. На третьем году войны ушли на фронт и средовеки. Некому стало приумножать село людьми – бабы да подростки тяглом в колхозе «Таёжном» и хлеб сеяли, и коров доили на колхозной ферме. Вымывалась деревня, не восполнялась новыми поколениями. И к началу двадцать первого века совсем опустел Кордон. Несколько семей доживали свой век в Кордоне. Люди крепкие, рождённые от поколения победителей, на их детских и женских плечах послевоенная вся забота о хлебе насущном и держалась. Старшая в Кордоне жила Фима Белоусова. В этот году Фиме исполнилось в мае девяносто лет.

2. Выродки

Ночь Фима спала беспокойно. Поднималась от тёплой печи и шла в остывшую кухню к окну, будто кто её туда звал. Яркими замытыми бусинками виделись звёзды на морозном небосклоне. После дневной оттепели мороз давил прикордонную тайгу, река Кордон подо льдом грелась, ворочала плечами, лёд лопался. Фима не слышала этого ворочанья Кордона, но с молодости знала – при таком батюшке так бывает, лёд дыбится, сухо выстреливает.

«Как там Зорька? Тепло ей в хлеву? Голодная корова, телёночек под сердцем». – Фима жалела кормилицу, плакала, качала головой, слёзы замывали глаза. Оттого и звёзды в небе росисто подрагивали при взгляде на них.

Обильные капли обжигали морщинистые худые щёки, затекали в беззубую ямину на месте рта. Фима умывалась и упивалась слезами, слизывая кончиком языка их в уголках губ. Потом возвращалась от окна с видом на огород обратно на кровать, под тёплый бок кирпичной печи. И опять дремала без сна.

Блазились далёкие молодые годы. События минувшего дня она могла запомнить, но вот дальность лет и счастливая молодость каждый раз возникали в сознании будто бы только что минувший день. Молодой Васей Белоус. Голодные предвоенные годы, вши и похлёбка из лебеды от бескормицы в войну. Она боронит вспаханные поля верхом на лошадях. Ноги избиты от негожеи обуви. Она ещё не замужем за Васеем Белоусовым.

Ночь. Полевая бригада из одних девчат. Чёрная ночь над полями и лесами. Огромный костёр на полевом стане. Над артельским котлом, объатым красным пламенем, высоко в темноту устремляется огненный язык. В котле кипятится одежда работниц, кипятится от вшей. Вши заедают молоденьких девчат на весенней пахоте, сколько не вываривай их. Вши и в соломе на широких нарах вагончика, где девчата зорюют. Сейчас, пока одежда кипятится в артельском котле, девчата, словно русалки, на-

гие и с развитыми волосами, отплясывают хоровод вокруг костра. Чужих глаз нет, взрослые мужики давно воюют. А подростки и малолетки из соседней бригады только поддразнивают девчат своим подглядыванием из темноты. Такое водилось. Зналось всеми. Мысленно девчатами звались эти подростки. Манились песнями, жадными женскими губами рвались сердца подростков. Норму выполняли «взрослую» и девчата, и подростки. И по-взрослому крутили любовь. Одежду вываривали раз в три дня. На большее не хватало терпения. Вши одолевали от бескормицы. От голода и бессонницы девчата падали в борону.

Не хватало терпеть разлуку более трёх дней и подросткам. Они являлись крадучись от своего стана и выскакивали на свет неожиданно, когда девчата заводились до истерики в огненной пляске вокруг костра. И хохот, визг. Подростков пленяли за руки, за ноги и кидали в реку, искупаться, чтобы знали, как зариться на взрослых девок.

Что делать, война!.. А жизнь властно брала своё. Песни, казалось, спасали от всех бед. Сейчас Фиме не шли они на память, выветрились за дальностью лет. Фиме девяносто первый год, и крепкая ещё старуха для своих годов. Но память человеческая ослабла. Знала она песен много. За голосистость и выбрал Васей Белоус неутомимую в работе Ефимью Коноплёву.

Вот с Васей и она, Фима, – во главе свадебного стола. Она в беленьком и простеньком платишке, венок полевой вместо фаты. Васей крутоплечим валуном рядом в чёрной косоворотке под костюмом, сшитым отцом ещё до войны.

За свадебным столом все ведают, что забирают на фронт уже и ровесников Васея. Война явилась в Отечество тяжёлая и затяжная. Мужиков бьют на фронтах бесчисленно, вся молодёжь деревни почти уже выбита, во многих избах получены «похоронки» и стоном стоит плач. Забрали и зрелых совсем мужиков. Отец Фимы полгода назад ушёл в пятьдесят три года. Погиб зимой под Москвой. В семье Коноплёвых одни девки. Фима – старшая из дочерей. И решили они с Васеем, пусть хоть дитя останется, если Васея убьют. Родила она Антона. Бог уберёт от пули Васея, вернулся с фронта одним из немногих мужиков из Кордона. Всю работу тащили на себе бабы и в войну, и после войны. Вспоминать тяжело, но душе от этих воспоминаний сладостно. Горько одно: не было больше у Фимы с Васеем Белоусовым детей. Покалечила война мужика.

Поблазнилось, калитка стукнула. Радио в центре деревни гремит. Ещё не поздно по часам, но темно по зимнему времени. Для Фимы день и ночь теперь мало имеют значение.

Опять себя Фима видит молодой. Но даль эта расплывчатая. Далёкая даль – молодость, девчонкой себя помнит уже плохо. Только в девках. Любовь Васея будто бы и есть начало жизни.

И показалось Фиме, будто взмыкнула Зорька. И очнулась от грёз Фима, и упало сердце, остановилось. Показалось? От кровати, через дверь в избу, минуя высокие сенцы, с улицы слышался странный звук, идущий от хлева. Из окна кухни двор не увидать. Ночь хоть и звёздная, но тёмная. Задрожали у Фимы ноги. Остыли, как в смертный час, не слушаются. Казалось ей, спешит быстро она делать, а пошла, шаркая галошами, мелко. Придерживаясь ладонью о стену. У дверей облачилась в телогреечку, повязалась шалью. В уголке и батожок. По дому Фима передвигается, опираясь на предметы и стену. К Зорьке на двор в хлев шла с батожком.

Сил кричать у Фимы не достало. С высокого крыльца она увидела в темноте двора страшную картину: беда под навесом хлева творится, люди чужие там, не деревенские...

«Зорька?!» – Корову вывели из тёплого хлева под навес и зарезали. Теперь свежевали, не обращая внимания на хозяйку на крыльце. Было их двое, этих молодцов. Днём они заходили в избу, предлагали Фиме продать стельную корову на мясо. Кормить корову Фиме всё равно нечем. Остатки закупленного сена неожиданно быстро подьелись Зорькой незадолго до Нового года. Оттого и горевала, плакала Фима, жалеючи голодную корову, на соломе долго не протянет. Фима была согласная отдать корову даром родной сестре – старикам Еремеевым, крепким ещё по годам и живущим в достатке. Но не резать корову. Стельная Зорька, грех резать корову с телёнком в утробе.

Ноги у Фимы отказали, и она опустилась медленно на приступок крыльца. В молодые годы Фима Коноплёва крупной молодухой была. Женщина в кости широкая. Сильные натруженные руки легко поднимали и кидали навильник лугового пахучего сена на вершину зарода. Но старость никого не щадит. И силу заберёт, и болезни, что стерегла старость для такого возраста, вернёт. Нутром небольшая, Фима мучалась ногами.

– Та шош вы, ироды, наделали?! – только и вышптала Фима бандитам.

«Ироды»), будто так и положено, будто по согласию и полюбовно решён вопрос с коровой Зорькой, похохатывая, стали дразнить беспомощную старуху. Деревня пустая от жителей, кричи, не докричишься от людей помощи: пять семей всего живут в разных концах протяжённого села. Все старики. Сотня домов пустует без хозяев.

– Тебе же, бабка, предложили хорошую цену, а ты заупрямилась. Сами возьмём. Тебе деньги уже не нужны.

В центре села, в столбовом и гулком морозном воздухе, в ночи при ярких звёздах, запыкало радио на высоком столбе. Колокол хрипнул и замолк.

Тишина, как при сотворении мира. Днём бандиты всё рассчитали. Знали, куда ехали. Фимин двор по эту сторону села крайний у прикордонной тайги. Днём приходил с центральной усадьбы грейдер, улицу от снега разрыл лопатой на две безжизненные половины с рядами изб без следов и тропинок ко дворам. Новый год осталось ждать недолго, и для пенсионеров председатель сельсовета нашёл возможность очистить дорогу до села и улицу. Центральная усадьба в восьми километрах на берегу Кордона. В советское время там базировался леспромхоз «Таёжный». Леспромхоза лет двадцать как не стало. Деревня на берегу реки Кордон осталась без работы. Кормятся люди доходами с подсобных хозяйств и огородов; кормит, не даёт умереть голодной смертью тайга. Глухой угол на стыке двух районов. А дальше – до Енисея! – триста вёрст петляет шиверами река Кордон в дебрях непроходимой тайги.

– Я вот щас до Еремеича дойду. – Поднялась Фима, намереваясь пройти к открытой калитке, за которой в кузовок иноземного головастика – «ироды» укладывали коровье мясо.

– Тарас! Граби, бабку. Закатаем её в коровью шкуру, – прохрипел пропитым голосом бандит дружку.

Фима всё поняла, но кричать о помощи на всё село сил уже не осталось.

Фиму Белоусову бандиты свалили на мягкую Зорькину бело-пегую шкуру, сноровисто закатали в ней старуху. С головой, так что валенки едва видны остались. Мороз быстро схватил остывающую колом сырую кожу.

3. Кросна

Пётр Еремеевич ждал ранних гостей. Сын должен приехать из Красноярска. Письмом сроки общил. Стоял Пётр Еремеевич у распахнутых ворот, опершись на снеговую лопату, снежный вал от грейдера раскидал, освободил проезд к воротам. О Фиме Белоусовой в добрый час вспомнил. Каждый день ходил на усадьбу к Фиме Белоусовой, корм корове давал. Дарья Митрофановна Коноплёва – жена Петра Еремеевича. До замужества младшая родная сестра Фимы Коноплёвой. Крепкая здоровьем ещё Фима и в девяносто лет. Давно бы корову Пётр Еремеевич увёл на свой двор в хлев, но своих две коровы. Обещал Фиме копёшку сена подтянуть со своего огорода. Кормами он запаса на две зимы за глаза. Не задаром, конечно, он сено отдаёт. У Фимы пенсия, деньги старухе тратить не на что. Время такое. Трактор «Беларусь» солярку жрёт, сено сам косил, хоть и трактором, всё же труд. А корову бросать Фимину на голодный постой над соломой тоже не дело. Старуха на одном молоке и держится. Сейчас, пока корова стельная, молоко ей носит его хозяйка – сестра Фимы Дарья Митрофановна.

Воткнув лопату череном в сугроб, Пётр Еремеевич подался к Фиминому двору. В такое время утра Фима всегда топит печь, и дым от крайней избы у леса как бы знак, что изба жилая и хозяйка в ней живая. Множество примет для себя старики держали в уме. И помочь им здесь, в глухом краю, кроме самих себя некому. Пронька Вертолёт и его заполошная Автолавка Верка самые и есть молодые из всех пяти семей деревни.

Одинокими бедовали только Фима да Катька Прибылиха, ещё не старая, но родом не из Кордона. Пьёт Катька Прибылиха, «стеклорез» возит из города.

Деревня людная была двадцать годов назад, многие пили тогда от безнадёги. Пётр Еремеевич работал управляющим отделением совхоза «Таёжный». Хозяин он крепкий всегда был, сына выучил на художника. Дочка директор школы на центральной усадьбе. У других стариков тоже дети в городах живут, кто-то выбился в учителя, кто-то рабочей косточкой пробивается.

Необычайней всех дети у Проньки Вертолёта и Верки Автолавки: зубные врачи. Родители – алканавты распоследние, а дочери высоко взлетели. Девочек после окончания школы в деревне у родителей уже более десяти лет никто и не видел. Но верили на слово Верке Автолавке. В Канске кто-то в районной больнице зубы рвал. Подтвердил: «Работает, зубы вставляет». В деревне ты хошь профессором в прошлом будь, всё едино. День текущий кормиться надо. Огород посадить и выкопать картошку. Без мяса тоже не жизнь. Для себя и кабанчика, и бычка на мясо растишь. Пётр Еремеевич с женой в годах, многого им не надо, но для сына в город стараются, пока силы и возможность имеется. Не сидеть же сложа руки, как другие делают.

Пронька Вертолёт с Веркой Автолавкой тоже не сразу и не в один день превратились в деревенских выпивох. Пронька всю жизнь отработал в леспромхозе, лихие перемены в девяностые годы встретил пенсионером. Верка дояркой вкальвала, пока всех коров на ферме не порезали. Совхоз был подсобным хозяйством леспромхоза «Таёжный». Жили богато и многодетно, с думами и планами на будущее. А вышло вон что от «перемен к лучшему»... Смерть одна народу досталась. Хорошо ещё электричество не обрезали на столбах. В других местах и провода снимали и продали.

Размышляя таким образом, развалисто в мягких валенках, Пётр Еремеевич достиг двора Фимы. У ворот остановился, попинал носком валенка умятый колёсный след к воротам. Ночью кто-то был, определил.

Побоище с Зорькой белым днём смотрелось страшным сном. Скаток коровьей шкуры – с Фимой внутри – поверг Петра Еремеевича на колени. Сырая коровья шкура задубела на морозе, и раскатать её оказалось не так просто. Пётр Еремеевич по годам на пятiletку младше Фимы. После войны пашню вместе подростками боронили. Дружили семьями после войны. И такая насильственная смерть?

Будто и не жила Фима на свете белом долгий свой век вечной труженицей; будто не на Фиме и таких, как она, женщинах держалась вся Россия, когда мужиков побили на фронтах. Будто не Фима родила и отдала своего сына Антона далёкому Афганистану. Целый век жил человек и устраивал землю своим трудом и милосердием. И такая кончина.

Пётр Еремеевич сокрушённо по-стариковски бормотал, распаковывая Фиму из этого злосчастного кокона. Умерла, задохнулась, Фима в тот же час, когда бандиты завершили свое чёрное злодеяние.

«Это какими вырождками надо быть, чтобы совершить подобное убийство немощной старухи. Кто их родил, этих вырождков? Когда они успели такими стать?»

4. Покой и воля

Хоронили Фиму Белоусову на Шише волглым тихим днём. «Шишой» звалось кладбище, пологое место на холме, высокое над деревней; и полноводный Кордон летом, зимой виделся далеко внизу белоснежной лентой замёрзшего льда и заметённый в русле снегом. Деревня Кордон по эту сторону холма. Широкая долина полноводной реки лесистым перевалом от деревни отделена. С кладбища взору открываются и хлебные поля, в снегах по такому времени. Видится хорошо и центральная усадьба в восьми километрах. Хорошее место для вечного отдыха. Простор и воля от всех плохих и хороших дел и мыслей. Рядом с Богом, под Его приглядом.

Сырой снег приставал к подошвам валенок. Дарья Митрофановна как бы успокаивала себя и стариков своими выводами о «вечном отдыхе». Недолго и им осталось смотреть на это вольное небо, дышать вольным воздухом тайги. Век свой они прожили худо-бедно, в глаза Богу не стыдно будет взглянуть.

Декабрь вольничал оттепелью в завершение Рождественского поста. Метели закружат из Саян по Кордону в Сретенье. До перелома февраля покуражится ещё зима, а там до Масленицы, до сырной недели – белый день силы наберёт. Тогда можно и считать, что год прожит.

По хозяйской деревенской привычке Дарья Митрофановна год распределяла по делам – по крестьянскому календарю. Пока же до Нового года дожили. Фиму хоронили тёплым днём, Господь на ласку людям старым не поскупился. Обмывала летней водой покойницу и обряжала в чёрное шер-

стяное платье, приготовленное Фимой на смерть, Дарья Митрофановна. Пётр Еремеевич открепил с дверей в горницу пригвоздоханное рейками ватное одеяло. Дом построен в своё время просто, за прихожей горница. Чтобы экономить тепло, по просьбе Фимы, после смерти Вася Белоуса, Пётр Еремеевич и забил одеялом проход в горницу.

За русской печью на кухне лежанка Вася, туда и перебралась Фима после смерти старика-мужа. В старости уже нет злобы в душе на время и на плохих людей. Покорно и смиренно принимала Фима разлуку с сёстрами. Бог милостив, рядом живёт младшая сестра Дарья, рождённая на третьем году войны, после ухода отца на фронт. Васеевы родственники в городах, и никто стариками последние десять лет не интересовался, в гости не приехал. Старость обременительна для самого человека, но ещё большим бременем эта старость для тех, кто обязан старикам своим появлением на свет.

Покойница Фима скорого конца своего не предвидела. Жить она ещё могла самостоятельно до весны. Гроб пришлось делать Петру Еремеевичу. Об убиенной односельчанке немногочисленные жители села уже к обеду узнали. Горе сплачивает русских людей. Старухи прибрали от многолетней пыли горницу, протёрли влажной тряпицей стекло иконы Казанской Божьей Матери в красном углу горницы, покрыли поверх рамки белым рушником. Икона, старого письма, досталась Фиме от бабушки, которая привезла икону из «Расей, когда ехали на новые земли обживаться».

После смерти старика Белоуса в забитой горнице за дверями простояла икона при плотных ставнях в темноте пятнадцать лет. Круглый стол на точёных балясинах с центра горницы отодвинули. Поставили две табуретки под гроб.

Лампадку под иконой Дарья Митрофановна заправила подсолнечным маслом. И затеплилась лампадная светлица в полумраке над покойницей, над скорбными ликами стариков и старух.

Связи с центральной усадьбой нет никакой. Гнать свой трактор «Беларусь» Петру Еремеевичу времени не оставалось. Все заботы с похоронами легли на его плечи. Он руководил Пронькой Вертолётном во время копки неглубокой могилки на Шише. Старикам долбить мёрзлую неподатливую землю в декабре не под силу.

И гроб тесовый сколачивать кроме Петра Еремеевича тоже оказалось некому. Старики, конечно, запаслись каждый для себя домовиной заблаговременно. Но свой гроб никто не пожелал жертвовать покойнице Фиме. В голову никому не пришло.

Пётр Еремеевич много лет работал управляющим отделением совхоза, строить умел, землю знал, тайнами тайги ведал, добывал и тайменя в Кордоне, когда был годами моложе. Остальные старики тоже не безрукие, но гроб сладить не каждый возьмётся.

В заботах с похоронами Фимы Пётр Еремеевич не забывал ждать сына. Не хватало его молодых рук в столь скорбном деле.

5. Шиша

Хоронили Фиму на третий день после её гибели. И как водится, вечером приехал сын. Привёз Павел и гостя. Дарья Митрофановна сыну рада, гостя постороннего не ждала. Уморила Дарья Митрофановна с похоронами и поминками в доме Фимы. В своём доме некогда было приготовить. Но дом Петра Еремеевича полная чаша. Из погреба поднялись и грузочки, и домашняя колбаска. Картошку отварить недолго. Перед ледоставом Пётр Еремеевич сеть ставил в протоке. Рыбы набилось, спасаясь шуги, плотно. Попалась и щука, и харюзя, сорога крупная. Ведро рыбы засолил для сына Павла.

Сына расстраивать убийством Фимы, старики решили, не станут. Ночевать сын не оставался, привёз матери и отцу новогодние гостинцы да спешил увезти таёжные гостинцы в Красноярск. Всё как-то бёгом, не по-людски, но спорить с сыном Пётр Еремеевич не стал. Машина у Павла добрая, иномарка, утром в Красноярске будут. Последний день старого года сын желал дома быть.

– Мама, ты нынче из бранки ткала? Мой товарищ купит у тебя твоё рукоделие. У него свой антикварный магазинчик в городе, иностранцы с руками отрывают старинные вещи. Рассказал ему, что ты по старинной технологии из конопли на ручных домашних кроснах ткёшь ткань, да ещё шабуры шьёшь. Он даже сам вот приехал.

– Полотенчики есть, – отозвалась от плиты Дарья Михайловна.

Лён в предгорье Саян в начале двадцатого века не знали, как он и растёт. Сеяли коноплю. Из конопляной бранки волокна теребили, потом сучили в нить на прялках, ткали из витой кудели на кроснах ткань. Ткали на кроснах из разноцветных тряпиц половики в горницу на полы. Красиво получалось. «Ткалось» полотно жизни. Домашний ткацкий станок-кросна, на котором в прошлом веке крестьяне ткали себе ткани и половики. Староверы в таёжной глубинке на Кордоне жили обособленно в деревне Федино! На кроснах ткалась ткань, как человеческая жизнь – нитка за ниткой. Узоры на ткани разные, замысловатые ткались – на это уходили дни и годы. На это уходила вся жизнь. Из конопляной бранки получалось нежное волокно, нежная и ткань, шили из такой ткани подённые женские рубахи, полотенца. Беда и выручка была конопля в крестьянском хозяйстве, без мешков под картошку при копке огородов, тканых из конопли, в хозяйстве и с места в делах не сойти.

По родителям до замужества Дарья Митрофановна была Коноплёвой. По роду передавалось «конопляное» ремесло. В «коноплю» и одевались. И масло конопляное сбивали. Шабуры шились из самой грубой конопляной ткани, с открытым воротом без рукавов. Одевались через голову и при ходьбе шуршали – шаборшились. Оттого и шаборами звались. Тёрли эти шаборы мужика во всех местах до крови.

Убирали коноплю, когда начинала поспевать лесная земляника. Жёлтенький, тонкий и долгий стебелёк без семени звался бранкой. Бранку эту от конопляного стебля обрывали, вязали в снопы и до первого снега снопы с бранкой проветривались стоймя.

В августе конопля созревала, её тоже убирали серпом. Обмолачивали семя, толкли из него масло. Стебель конопляный обрабатывался одинаково с бранкой, из волокон его ткали мешковину.

Технология изготовления из конопляных стеблей ткани – секрет передавался детям в семьях. Хитрости свои. Обязательно на Покров, и обязательно первый снег таяли в чанах в бане, вода колодезная и речная для такого дела не годилась. Снопы из бранки и стеблей рассыпали и заминали в чаны со снеговой водой. Квасили две недели, «отбеливали». После чего вынимали и «сажали снопы в горячую баню». После бани мяли костру на деревянных мялках. Чесали деревянными гребнями. Из грубых волокон конопляного стебля ткали на кроснах мешковину; из грубой бранки получалась ткань для шабуров; тоньше волоса начёска из бранки шла на прялку для полотенец и исподних женских поддёвок. Вышивала цветными нитками шабуры и полотенчики из бранки Дарья Митрофановна – глаз было не оторвать.

Павел учился в художественном училище, забирал её изделия в город. В лихие девяностые, когда всё рушилось, а деньги цены не имели, изделия матери Павел продавал через знакомых художников иностранцам за доллары, японскую валюту. В немалой степени дар Божий матери и её изделия помогли Павлу и выучиться, и стать на ноги, когда человеческая жизнь перестала стоить и копейку. А шабуры ценились. Отец купил старый трактор «Беларусь», подвеску с плугом для пахоты, сенокосилку. За горло взяло лихое время людей. Не пропадать же даром, на голую пенсию. Таёжники – народ бывалый. От тайги кормились. Выжили. Сына выучили. Людьюми остались. Не всё рублём измеряется.

Гость решил прогуляться по заведеревшему селу. Родным есть о чём поговорить без посторонних ушей.

Ушёл.

Мешок кедровых орехов Павел брать отказался. Дарья Митрофановна отсыпала ведро орешек в плотную наволочку и завязала концы узлами. Тем временем Пётр Еремеевич поднял из погреба и отнёс в багажник машины замороженную бруснику в картонном ящике, ведро рыбы солёной, угнездили с сыном задок кабана. Мать принесла мороженое в чашках кругами жирное молоко, упаковали в коробку от импортного цветного телевизора, который привёз в подарок родителям Павел. Старый «Рекорд» давно просился на двор. Успели поговорить без постороннего человека. О смерти Фимы так и не заикнулись старики. Ночь впереди, дорога дальняя за рулём сыну. Когда ещё дома будут.

Смеркалось. Вернулся из похода по селу гость. Шаbur и полотенчики из конопляной бранки он купил, не поспешил на деньги. Дарья тут же сыну и отдала. Гость поездкой доволен. Гостеприимство требовало и гостя без деревенских гостинцев не отпускать. Пётр Еремеевич выделил гостю и ореха кедрового, и мороженой брусники, и добрый пласт домашнего солёного сала.

Долгие проводы, долгие слёзы. Раз надо, поезжайте. Уехали.

Подозрительной показалась весёлость в госте после прихода его из села.

«Пронька, сукин сын! Неужели продал?» – Пётр Еремеевич направился к Фиминому двору в край тёмной улицы.

Замок на сенцах и гвоздём открывается. Был Пронька! Замок в пробое на раздвинутой дужке. Дверь в избу, забитую Петром Еремеевичем парой гвоздей, Пронька взломил топором. В избе Пётр Еремеевич запалил спичку. В горнице в красном углу на месте иконы просторно. «Ушла Богородица из села».

6. От войны до войны умирало село

В обед последнего дня старого года всё население таёжного села Кордон собралось у заколоченного бесхозного магазина. Традиция такая появилась с началом «третьей мировой войны», так обозначил войну на Донбассе Пронька Вертолёт. В лихие девяностые годы он и прозвище своё «Вертолёт» получил, за своё «летание» по селу с новостями. Верка стала «Автолавкой», она первой начала возить спирт из Канска и продавать односельчанам. Потом этот промысел перешёл к Катьке Прибылихе. Жила баба в Красноярске всю жизнь в общежитии, работала на заводе. Получила пенсию и уехала в глушь, чтобы в городе окончательно не спиться. В деревне хоть молоко беда и выручка для пьющих людей. Все болезни молоко коровье лечит. Оттого и трудно всегда было крестьянина сподать. Дома нежилые, без хозяев пустые в Кордоне – всё село. Разъехались люди, вымерли. Выбирай дом и живи. Катька обжила небольшой домик, курей в стайке держала, поросёночка стала ежегодно выращивать, молоко купить в деревне не проблема, пока хоть в одном дворе корова останется. Так все и жили, выживали. При наступившем капитализме человек стал неинтересен власти. Доживали крестьяне век двадцатый при огородах и молоке, на скудные пенсии. Не заметили в Кордоне люди, как набрал силу и жестокий двадцать первый век. Война с бандеровцами-фашистами на Украине. Война на Донбассе. Теперь круглые сутки по телевизору дикторы говорили о войне.

Высокий серебристый радиолокол на столбе гремел музыкой. Ночью навалило снега на штыковую лопату. Белизна сугробов у ворот нежилых дворов пригласила при хмуром дне. Снег поскрипывал под валенками людей. Люди стоят чёрными семечками горсточкой под столбом, беседуют, сводку с войны на Донбассе обсуждают. Петру Еремеевичу помнилась война с фашистской Германией и в сорок первом году. Так же вот собрались люди со всего села в центре у колхозного правления. Только от народа в улице тесно было. Ныне Пронька Вертолёт и Верка Автолавка отсутствуют. День тёплый и хмурый. Необычный для сурового сибирского декабря весь месяц отстоял. Корова орёт недоеная на дворе Проньки Вертолёта – возле магазина этот трубный и зовущий рёв коровы слышно.

– Им что, одним днём живут, – покачала головой на рёв коровы Дарья Митрофановна.

– Сегодня в России многие так живут. Обнищали люди. Просвета впереди не видно. Войну развязали со всем вражьем миром.

– А какой ты хотела просвет от олигархов? Кто сегодня правит Россией? Олигархи и есть враги народа. Уж какая была богатая деревня Кордон! Сто дворов! Две тысячи коров на фермах. Жили как у Христа за пазухой.

Говорить о смерти Фимы избегали. Помянули вчера сдержанно, да из сердца вон такую горькую насаду.

Пронька Вертолёт с Веркой Автолавкой выклинились из ворот своего двора, матрёшками пометели к людям у магазина. Люди ждали их. Осуждай не осуждай, а чужая жизнь – потёмки. Односельчане – родные, как бы все от самого детства. Не всегда Пронька был Вертолёт. Хоть и пьют с Верой, хозяйство не изводят. Другой раз и корова вот не доена, и поросёнок, наверное, доски грызёт, требуя комбикорма с водой.

– Автолавки, мать их так! – волоча еле ноги в чёрных подшитых валенках-бахилах, заорал ещё издалека Пронька Вертолёт. – Всё брешут? – показал на макушку столба с колоколом репродуктора. – Я бы им яички поотрывал и покрасил, этим кремлёвским мироодам. Сколько не говорят халва, а пенсия всё такая же – восемь тышш! И слаще жизнь не становится.

Автолавка шибче своего Проньки Вертолёта мотыляется, одетая в длиннополую искусственную рыжую шубу. Падаёт, встаёт, гребёт-таки упорно к народу.

Дым над сенцами из избы Проньки Вертолёта не сразу люди заметили. А когда дошло, что изба горит, как ахнет столб огня над крышей, будто в избе газовый котёл взорвался.

– Корову спасай!

Успели выгнать корову из хлева, поросёнка из стайки. Хорошо, что хозяйственные надворные постройки для скотины за широким двором к огороду поставлены. Зарод сена далеко в огороде стоит, искры не долетают. Избу тушить никто и не пытался. Нечем! Мигом изба сторела, остов кирпичной печи только и остался.

– Украл, продал, сукин ты сын, икону Казанской из Фиминой избы. Вот теперь всем нам и наказание, – шипел на Проньку Вертолёта Пётр Еремеевич так, чтобы люди не услышали.

Пронька и не отнекивался. Попутал его бес с этой иконой, продал приезжавшему с Павлом человеку. И хошь бы за деньги! За водку, которую тот принёс из багажника машины. На поминках не хватило, пили с Веркой эту водку почитай всю ночь. Час назад глаза продрали, опохмелиться не успели, как понесли ноги к Прибылихе за «стеклорезом». Забыли и про Новый год, что и тридцать первое число уже на дворе. У магазина на людях только и вспомнили, что Новый год на носу.

– Та шошь это, Божечка! Та как же мы жить таперь станем? – запела-запричитала Верка Автолавка. Пьяненькая, она повесила из безалаберности махотку для рук над включенной электроплиткой с открытой спиралью. Для сковороды гвоздь в стене. Махотка сорвалась с гвоздя на красную спираль электроплитки от хлопка двери в избу, когда хозяйка удалилась из кухни на двор. Сухой избе много ли надо – искры достаточно.

– Баня не загорелась, в ней перебьётся. А то и домов пустых вон сколько. Растопляй печь и живи. Или вон в дом Фимы поселяйтесь, – рассудил здраво Пётр Еремеевич.

Рассудил и пошёл в сторону своего двора. В хмурых небесах дым от пожарища в деревне чёрным змеем вытянулся к Шишиной горе. Там, над Фиминой свежей могилой, дым обдался о невидимую преграду, за клубился, круто пополз выше Шиши грибом в небеса над долиной Кордона. И Пётр Еремеевич ахнул: в небесах дым стал терять черноту, обращаясь на глазах в паровое облако, очень похожее очертаниями на Богородицу с Младенцем на руках. Небесная икона поволновалась скорбно, будто жалея неразумных людей, и медленно растворилась в заоблачной выси.

«Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы на сопротивные даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство».

10 декабря 2022 г.

